

UvA-DARE (Digital Academic Repository)

O vklade issledovatel'skikh rabot po sovetskoj ekonomike v ekonomicheskuyu teoriyu meinstrima

Ellman, M.

Publication date

2010

Document Version

Submitted manuscript

Published in

Voprosy Ekonomiki

[Link to publication](#)

Citation for published version (APA):

Ellman, M. (2010). O vklade issledovatel'skikh rabot po sovetskoj ekonomike v ekonomicheskuyu teoriyu meinstrima. *Voprosy Ekonomiki*, 2010(3), 39-55.
http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/n3_2010.html#an3

General rights

It is not permitted to download or to forward/distribute the text or part of it without the consent of the author(s) and/or copyright holder(s), other than for strictly personal, individual use, unless the work is under an open content license (like Creative Commons).

Disclaimer/Complaints regulations

If you believe that digital publication of certain material infringes any of your rights or (privacy) interests, please let the Library know, stating your reasons. In case of a legitimate complaint, the Library will make the material inaccessible and/or remove it from the website. Please Ask the Library: <https://uba.uva.nl/en/contact>, or a letter to: Library of the University of Amsterdam, Secretariat, Singel 425, 1012 WP Amsterdam, The Netherlands. You will be contacted as soon as possible.

Майкл Эллман

Каков вклад исследовательских работ
по советской экономике
в экономическую теорию мейнстрима?

Москва
Институт экономики
2009

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Универсальная применимость экономических законов	5
Статистика роста	15
Институциональная экономика	16
Экономическое администрирование	16
Экономика прав собственности	17
Экономика неформального сектора	17
Экономика голода	18
Дискуссия о социализме и австрийская критика теории общего равновесия	19
Стимулы	21
Методология	22
Заключение	23
Литература	25

Майкл Эллман

Введение

Экономическая теория развивается в результате применения новых исследовательских методов (таких как теория игр или эксперименты), в силу тенденций исключительно внутреннего развития (например, разработка теории несовершенной конкуренции), благодаря отслеживанию долговременных проблем, ранее не привлекавших внимание экономистов-теоретиков (например, новая экономическая география), междисциплинарному сотрудничеству (пример — поведенческая экономическая теория) и концентрации внимания на новых экономических проблемах, требующих анализа (например, Великая депрессия и крах советского социализма). Новые проблемы способствуют формированию новых разделов экономической теории. В результате Великой депрессии возникла макроэкономика. Крах советского социализма породил теорию переходной экономики. Отсталость стран Юго-Восточной Европы, а затем и стран бывшего колониального мира дала толчок экономической теории развития. Существование в СССР специфической нерыночной экономической системы, распространение в мире социализма советского типа и его повсеместная привлекательность также дали импульс появлению нового раздела экономической теории, часто называемого экономической советологией. Последняя подразумевала длительное активное изучение (особенно в США) советской экономики в период между окончанием Второй мировой войны и распадом СССР.

В этих новых разделах экономической теории при рассмотрении новых объектов исследования, естественно, использовались многие идеи экономического мейнстрима. Вместе с тем обнаружили многочисленные явления, которые ранее не изучались эконо-

мической теорией мейнстрима. Именно они и их анализ, в свою очередь, весьма содействовали развитию самой экономической теории мейнстрима, что, опираясь на экономическую теорию развития, разъясняет Бардхан (Bardhan, 1993). Цель данного доклада — представить аналогичную аргументацию в пользу экономической советологии¹.

Универсальная применимость экономических законов

Фундаментальным вопросом, возникшим в связи с существованием в СССР специфической экономической системы и явного отторжения «буржуазной политической экономии», был вопрос о том, являются ли положения, разработанные в рамках экономической теории мейнстрима, универсально значимыми или же они пригодны лишь для конкретной экономической системы при определенных исторических условиях. Бергсон (Bergson et al., 1964) утверждал следующее:

«Современная экономическая наука обращена главным образом в Западной Европе и Соединенных Штатах, и, несмотря

1. В докладе главным образом рассматривается вклад западных экономистов («экономистов-советологов»). В ней не затрагиваются такие вопросы, как длинные волны, линейное программирование, предстория межотраслевого баланса, модель экономического роста Фельдмана, анализ накопления Преображенского и др. Анализ этих проблем составляет отдельную тему — влияние советской экономической теории на теорию мейнстрима. В данной статье также не анализируется воздействие советской политики на экономическую политику, проводимую в западном мире (например, в сфере образования, здравоохранения, развития инфраструктуры, космических исследований и экономического планирования). В статье не нашло отражения работа, например, Гурвица и других авторов, посвященная выработке экономического механизма; на эту работу их, вероятно, (отчасти) могли вдохновить советские экономические институты, однако в ней отсутствуют четкие ссылки на советологическую литературу. Вместе с тем Гурвиц все же признал свой «огромный» долг перед Ланге, отзываясь о нем как о первопроходце в области формирования децентрализованной социалистической экономики, великом ученом и наставнике, великодушно человеке-идеалисте (Hurwicz, 1979, p.207). Аналогичным образом в данной статье не рассматривается работа Маршака и других авторов по теории команд и сопоставимых по стимулам механизмов, равно как работа Маалинво, Вейцмана, Хила и других авторов об алгоритмах эффективного децентрализованного планирования, поскольку у этих авторов также нет явных ссылок на советологическую литературу и, как оказывается, они ничего из нее не почерпнули. В данном докладе автор также не пытается предложить оценку экономической советологии, ее достижений и неудач.

на тенденцию к универсальности, она несет на себе печать институтов и проблем, присущих именно этим регионам.

Однако экономический мир более не вращается вокруг Лондона и Нью-Йорка. Десятки новых стран борются за экономическую независимость и экономический рост в институциональных условиях, совершенно отличных от западных. Экономики нового типа также простираются на восток от Центральной Европы вплоть до Берингова пролива, они деятельно разрабатывают собственные принципы — побочный продукт своего административного опыта. Утверждается, что «западная экономическая теория» в этих странах обладает лишь ограниченной аналитической ценностью.

Таким образом, неизбежно возникает проблема содержания и значимости экономической теории. Действительно ли экономические принципы, которым обучают на Западе, пригодны для всеобщего применения? Или же они привязаны к культуре и годятся в основном для экономики промышленно развитых капиталистических стран? Можно ли создать общую экономическую теорию, которая была бы столь же полезна в Польше или Индии, как в Канаде или во Франции? Или мы должны удовольствоваться несколькими видами экономической теории, которые будут различны по своему интеллектуальному содержанию и применимости?»

Еще до появления Советского Союза направление, впоследствии ставшее экономической теорией мейнстрима, провозгласило свою универсальную обоснованность. Утверждалось, что, подобно законам физики, одинаковым во всех странах, законы экономики одинаковы во всех обществах. В своей известной работе «История экономического анализа» Шумпетер (Schumpeter, 1954; 1986, p. 257) писал по поводу английской экономической науки XIX века, что «если бы [мальтузианское] утверждение о бесконтрольном размножении было верным, оно очевидным образом приблизилось бы к «естественному закону» в точном смысле этого слова. Большинство английских экономистов последующего столетия воспринимали это именно так — как формулу неумолимой квазифизической необходимости. Эти же экономисты обычно утверждали аналогичную необходимость и универсальную применимость не только этих экономических постулатов, являвшихся не более чем примером

прикладной логики, но и прочих постулатов, таких как их «закон заработной платы»». Подобная точка зрения не ограничивалась лишь кругом английских экономистов XIX века, она осталась главенствующей и в экономической теории мейнстрима. В 1991 году главный экономист Всемирного банка Лоуренс Саммерс говорил: «Распространяйте правду — законы экономической теории подобны законам механики. Везде действует один набор законов»².

Изучение советской экономики показало, что существуют примеры, когда это суждение оправдывалось и когда оказывалось неверным. Например, классическое утверждение из области государственных финансов о том, что товарам присуща разная ценовая эластичность спроса и что для обеспечения крупных финансовых поступлений необходимо установить косвенные налоги на товары с низкой ценовой эластичностью спроса. Таково универсальное правило обратной эластичности, сформулированное Рамсеем (Ramsey, 1927). Подобное утверждение экономической теории мейнстрима равным образом распространялось и на СССР. Большая доля налоговых поступлений формировалась за счет реализации водки, которую можно было продавать в больших объемах по ценам, намного превышающим производственные издержки. Как отмечалось советологией (Trembl, 1982), именно таким образом обеспечивались весьма существенные поступления в государственный бюджет. С другой стороны, утверждение экономической теории мейнстрима о возможности преодолеть дефицит за счет повышения цен несколько проблематично в условиях государственного социализма. Значимый тому пример — повышение цен на продовольственные товары с целью сокращения печально известного дефицита продуктов питания и очередей в продовольственных магазинах. Хотя этот метод и представлялся прямолинейным применением экономической аргументации мейнстрима, он оказался рискованным и в целом неэффективным. Тому были следующие причины.

Во-первых, рабочие иногда могли получать компенсацию (и даже более чем компенсацию) в виде более высокой заработной платы, например, благодаря забастовкам. Значимость — экономическая и

2. Это мнение высказал и тогдашний российский министр по внешнеэкономическим связям (Hedlund, 1999, p. 112).

Майка Элламан

политическая — этого явления была несколько раз продемонстрирована в Польше. В СССР страх перед такого рода забастовками (который премьер-министр Павлов назвал «новочеркасским синдромом»³) удерживал власти во времена Брежнева, Андропова и Горбачева от повышения цен на продовольствие. Во-вторых, как пишет Корнаи (Kornai, 1980, Chapter 19; 1985), плановые органы в случае сокращения потребительского спроса могли ответить мерами по сознательному поддержанию «нормального» уровня дефицита. В-третьих, как отмечал Подкаминер (Podkaminer, 1982, 1986, 1987, 1988), основополагающей причиной неравновесия на рынке потребительских товаров были не низкие цены на продовольствие, а ограниченность товаров длительного пользования, услуг и низкие цены на них. Отсюда следует, что для восстановления в 1970 — начале 1980-х годов равновесия на советском рынке потребительских товаров нужно было в первую очередь повышать плату за жилье, а также цены и доступность потребительских товаров длительного пользования и услуг⁴.

Хотя дефицит в советской экономике существовал и играл важную роль с конца 1920-х годов, только в конце 1970 — 1980-х годах он стал объектом теоретического анализа и научных дискуссий в англоязычном мире (Portes, 1979; Portes, Winter, 1977, 1978, 1980; Davis, Charemza, 1988). Следует отметить, что Корнаи и Подкаминер, (оба выходцы из Центральной Европы) внесшие основной вклад в анализ этой проблемы, на собственном каждодневном опыте остро осознавали значимость проблемы. Один из них стал автором оригинального теоретического анализа, другой предложил новое применение мейнстримовской теории спроса. Неудивительно, что американская экономическая советология внесла в анализ данной проблемы незначительный вклад, поскольку носила не аналитический, а преимущественно описательной характер (Millar, 1995, p. 242). Экономическая советология прилагала большие усилия, чтобы описать советские экономические институты. Классическая работа такого рода — это работа Левайна (Levine, 1959) — первое четкое разъясне-

3. Речь шла о забастовках и волнениях 1962 года в Новочеркаске в ответ на повышение цен на продовольственные товары. О «новочеркасском синдроме» как выражении Павлова см.: Pavlov, 1995, p. 97. О том, что на самом деле произошло в Новочеркаске в 1962 году, см.: Kozlov, 2002, p. 224—287.
4. Мнение Подкаминера было подтверждено относительным изменением цен в Польше после ценовой либерализации 1989—1990 годов (Bell, Rostowski, 1995).

ние на английском языке, как именно функционирует снабженческая система как ядро советского «экономического планирования». Эта работа описательного характера оказалась очень полезной. Она заложила основу понимания того, как функционирует советская экономика. Но в целом она была не теоретического свойства. Вместе с тем в 1980-е годы американские специалисты по экономикам с «централизованным планированием» все же сделали важный вклад в теоретическую дискуссию по проблеме дефицита. Например, своей работой по ГДР Колиер (Collier, 1985, 1986) внес важный вклад в анализ проблемы дефицита. Он соединил свои знания о ГДР с мейнстримовской теорией спроса и таким образом смог предложить убедительные оценки потерь потребительского благосостояния как следствия повсеместного дефицита.

Из указанных выше трех причин, по которым явно неприемлемо фундаментальное утверждение экономической теории мейнстрима о способности с помощью повышения цены преодолеть дефицит, первые две относятся к явлениям, выходящим за пределы предмета экономической теории мейнстрима (новочеркасский синдром политиков и сознательное сохранение дефицита лицами, ответственными за принятие решений в области экономической политики), а третья причина (перекрестная эластичность спроса) составляет неотъемлемую часть теории мейнстрима, но о ней иногда забывают при оценке экономической политике.

Более обширной была сфера, где теория мейнстрима содействовала продвижению пагубных для СССР предложений в части экономической политики, известная как «экономические реформы», — введение рыночных элементов в «командно-административную экономику», если использовать уничижительное клеймо эпохи Горбачева, само по себе подверженное влиянию советологической литературы (Grossman, 1963). Этот хорошо известный советолог (Grossman, 1963, p. 114) предвосхитил негативные последствия экономических реформ⁵, хотя большинство экономистов, более осве-

5. «...частичная децентрализация планирования и управления в командной экономике может принести больше вреда, чем пользы; при сокращении коммуникационных связей она может нарушить равновесие, не обеспечивая достаточных выгод. По-настоящему полная децентрализация в смысле полноценной передачи предприятиям права на принятие важнейших производственных решений была бы с точки зрения равновесия ужасающим шагом».

домленных о принципах экономической теории, чем о советских институтах, ожидало от экономических реформ положительных результатов. Как отмечалось в связи с «реформой» внешнеторговой сферы в перестроечный период, сыгравшей важную роль в разрушении советской экономической системы (Kurgierov, 1998, p. 276), «она была инспирирована не столько непосредственными экономическими потребностями той системы [т.е. советской системы], сколько на абстрактными идеями, лежавшими в основе опыта кардинально отличной экономической системы, относительно того, каким именно образом должны быть организованы внешнеэкономические связи в современном «цивилизованном» государстве». Отрицательные экономические результаты этой реформы — подобно результатам реформы Косыгина 1965 года (Kontorovich, 1988) — стали неожиданностью для тех, кто полагал, что рекомендации в отношении политики, вытекающие из экономической теории мейнстрима (такие как либерализация торговли), универсально применимы⁶.

Если «экономические реформы» в советских условиях давали отрицательные результаты, то политика, казавшаяся прямо-таки странной с точки зрения мейнстрима, в советских условиях могла вызвать положительные последствия. Хорошим тому примером служит кампания Андропова по «укреплению дисциплины» (Kontorovich, 1985). Это подтверждает, насколько экономическая теория мейнстрима искажала представления многих наблюдателей. Она концентрирует свое внимание на ценах и рынках, преувеличивает роль цен в улучшении распределения ресурсов, и роль команд — в снижении эффективности. Однако в иерархически структурированных организациях, таких как армия, для достижения желаемых результатов команды могут быть более действенны, чем ценовой механизм. То же самое при определенных условиях

6. Однако если бы более пристальное внимание обращалось на теорию второго лучшего, результат не показался бы столь странным. Помимо Гроссмана, другим экономистом, полагавшим, что в краткосрочной перспективе экономическая реформа приведет к ухудшению экономического положения и снижению уровня жизни населения, был Бирман (Birman, 1983, p. 205—207). Автор данной статьи с этим не соглашался (Ellman, 1989), но Бирман оказался прав. В основе анализа Бирмана лежала не теория второго лучшего и не теория командной экономики Гроссмана, а глубокое понимание того, как именно работает советская экономика, благодаря накопленному Бирманом многолетнему жизненному и трудовому опыту внутри этой системы.

может распространяться на масштабное производство (Williamson, 1975). Согласно одной из оценок (Khalin, 2003, p. 43), во время Второй мировой войны производительность труда (не почасовая, а на одного работника) в военной промышленности СССР была намного выше, чем в Германии и Великобритании, и не намного уступала США — поразительное достижение для бедной страны и неожиданное с точки зрения экономической теории мейнстрима.

Ограниченное применение положений теории мейнстрима в советских условиях и значимость в этой системе явлений, не изученных этой теорией вызывали двоякую реакцию. Некоторые авторы утверждали, что для понимания советской экономики требуется специфическая экономическая теория, т.е. возврат к позициям исторической школы. Первым наброском такой теории стал очерк Гроссмана 1993 года, а наиболее глубокой попыткой ее разработки — работа Корнаи (Kornai, 1980). Последняя обычно рассматривается как «самая полноценная позитивная теория социалистической экономики, разработанная к настоящему времени» (Roland, 2008, p.147). Ее основным вкладом в теорию мейнстрима стала концепция «мягких бюджетных ограничений», обсуждение множества возможных количественных корректировок и дополнительный (по-другому понимаемый) довод против государственной собственности. Следует отметить, что теория Корнаи рассматривает дефицит как кардинальное свойство командно-административной модели, но мало что говорит о другом ее основополагающем свойстве — «структурной милитаризации» (Shlykov, 1997; 2004, p. 17)⁷.

Бывший сотрудник советской разведки Шлыков отмечал, что в советских аналитических материалах не уделяется внимание

7. Однако в более поздней работе при анализе инвестиционных приоритетов Корнаи (Kornai, 1992, p. 174) все-таки признал приоритет военного производства. Другая слабость анализа Корнаи заключалась в подчеркивании «стремления управленцев к экспансии». На деле многие управленцы предпочитали спокойную жизнь и снижение объемов продукции, что подтверждает советский опыт 1988—1991 годов. Именно давление сверху было, в основном, источником роста, а когда оно исчезло, система развалилась. Оглядываясь назад, Корнаи (Kornai, 2006, p. 356) признавал, что в своей политически ориентированной книге 1989 года (ее английский перевод появился в 1990 году; Kornai, 1990) он заблуждался, так как не мог предвидеть, что переход от социализма к капитализму вначале вызовет падение производства. Он явно не учитывал эффект такого процесса и в своих более ранних теоретических работах.

роли оборонного сектора советской экономики: «Горбачев игнорировал невероятно высокую степень милитаризации нашей экономики. И он не был в этом одинок. Никто серьезно не учитывал этот аспект нашей экономики. Помимо службы разведки, ни одна [советская] организация, ни одно научное учреждение не занималось данным вопросом» (Shlykov, 1998, p.44). То же относилось и к западной советологии, что стало ясно из ее «некролога» (Kontorovich, 2007). Был внесен определенный научный вклад в оценку советских военных расходов, состоялась дискуссия об их объемах, дано разъяснение значению имеющихся данных⁸, однако в научной литературе периода, предшествовавшего распаду страны, мало внимания уделялось главенствующей роли соображений военного порядка в советской экономической истории и в деятельности советских организаций. Военные факторы имели фундаментальное значение в советской экономике с конца 1920-х годов и далее. В резолюции о пятилетнем плане, одобренной XV съездом партии в 1927 году, говорилось, что «ввиду вероятного военного нападения капиталистических государств на пролетарское государство в пятилетнем плане должно быть обращено максимальное внимание на возможное скорейшее развитие тех секторов экономики в целом и промышленности в частности, которые играют основную роль в обеспечении обороны страны и экономической стабильности в военное время». В том же году в Госплане был создан оборонный сектор, и его работа оставалась важной вплоть до завершения эпохи советского планирования. С введением командно-административной системы военные расходы в 1930—1932 годах резко возросли (Davies, 1993).

Военные факторы играли существенную роль при принятии решений о территориальном размещении производств. Они имели важное значение при принятии инвестиционных решений — как инфраструктурных (строительство некоторых каналов и железных дорог), так и промышленных (быстрое развитие сталелитейной отрасли). Чтобы поддерживать и улучшать качество военной продукции, ее военные потребители — в отличие от гражданских — бы-

8. См. обзор в работе Грегори и Стюарта (Gregory and Stuart, 1990, Chapter 15) и библиографию, которую приводят авторы (p. 422—423).

ли уполномочены направлять агентов по снабжению на предприятия для надзора за качеством. Военная промышленность пользовалась приоритетом при распределении материалов и трудовых ресурсов. На эти фундаментальные аспекты советской экономики обращалось мало внимания в советологической литературе периода, предшествовавшего распаду страны. Советологи предпочитали анализировать: гражданские сектора экономики — сельское хозяйство (Jasny, 1949; Laird, 1965; Millar, 1971; Stuart, 1972), производство стали (Clark, 1956), транспорт (Hunter, 1957) и энергетику (Campbell, 1968); идеологически значимые вопросы, такие как вторичную экономику (Grossman, Trembl, 1985—1993) и макроэкономические темпы роста; первоочередные проблемы, такие как экономические реформы (Schroeder, 1979); фундаментальный для экономистов вопрос об интерпретации советской экономической статистики (Bergson, 1953; Jasny, 1957; Trembl, Hardt, 1972) или такие пользующиеся в научном плане уважением вопросы, как, например, применение математических методов в планировании (Hardt et al., 1967), или использование эконометрических моделей для понимания и прогнозирования развития советской экономики (Green, Higgins, 1977). Только после краха СССР и последующей «архивной революции» осознали важность военных факторов в развитии и функционировании советских экономических институтов (Samuelson, 2000; Ellman, 2008; Harrison, 2008).

Другая реакция свелась к попытке выработать такую экономическую теорию, которая бы не фокусировала внимание на специфических для отдельной системы явлениях, таких как роль цен в обеспечении эффективного распределения ресурсов, а анализировала бы фундаментальные характеристики, общие для всех экономических систем. Известной работой такой направленности стала работа Монтиаса (Montias, 1976). Основной вклад Монтиаса в экономику мейнстрима был осуществлен через журнал *Journal of Comparative Economics*⁹, первым редактором которого он стал. Журнал занял высокое место в рейтинге журналов по экономической теории

9. Об истории создания журнала см. предисловие его редактора, *Journal of Comparative Economics*, 1977, 1(1), p. 1—3.

мейнстрима, однако он был основан для продвижения сравнительной экономической теории путем интеграции работ описательного характера и значимых теоретических работ. В его первый редакционный совет вошло несколько ведущих советологов. Журнал стремился наложить исследования развития экономик советского типа, (главным образом в США) на протяжении трех десятилетий после окончания Второй мировой войны на более широкий описательный и теоретический фон. Своим успехом журнал обязан сочетанию методологии экономической теории мейнстрима (разработка моделей и статистический анализ) с новой тематикой, например с рассмотрением прав собственности на поселковых и сельских предприятиях Китая.

Важный вклад в длительную дискуссию об универсальной значимости экономической теории мейнстрима был сделан Родриком (Rodrik, 2005). Опираясь, в основном, на опыт переходной экономики, он писал, что *экономические принципы* (такие как соответствующие стимулы, права собственности, здоровая денежная система и бездефицитный бюджет) общезначимы, но в силу специфики институциональной среды в разных странах и в разное время различно их *воздействие на экономическую политику*. Значит, весьма различные типы политики, осуществляемой в разных странах, могут сочетаться с одним и тем же набором экономических принципов. Это стало очень удачным соединением идеи об универсальной применимости экономических принципов мейнстрима с идеей о том, что соответствующие типы политики вполне могут различаться — и подчас существенно — в разных странах и в разные периоды времени. Родрик подчеркивал, насколько опасно из экономических принципов делать единообразные выводы в отношении экономической политики, игнорируя специфические страновые институциональные условия, которые могут решающим образом предопределять успех или неудачу конкретной политики¹⁰.

10. В своей работе Родрик, среди прочего, осознанно следовал «по пятам» Гершенкрона, эксперта по экономической истории России, давнего экономиста-советолога. Подобно Гершенкрону, Родрик пытался извлечь индуцирующую квинтэссенцию из уроков исторического опыта — методология, весьма не модная сейчас среди экономистов мейнстрима. И все-таки у нее есть некоторые сторонники, например Чанг (Chang, 2002).

Статистика роста

Одной из первых сфер экономического анализа советского опыта была статистика роста. Официально публикуемые статистические данные представлялись невообразимо высокими как многим экономистам, так и правительству США, которое выделяло финансовые средства на многолетние попытки их пересчета. Такая работа была начата Кларком (Clark, 1939) и продолжена Бергсоном (Bergson, 1954, 1961) и его школой, особенно некоторыми специалистами из ЦРУ. Основная задача работы сводилась к разработке оценочных данных по экономическому росту СССР, которые были бы более надежны, чем официально публикуемые в СССР. И в этом смысле работа была успешной. По иронии судьбы после падения СССР выкладки этой школы попали под огонь критики со стороны некоторых российских экономистов как *переоценивающие* советские достижения (Khanin, 1993). В дополнение к тому вкладу, который был сделан в экономическую историю СССР, благодаря этой работе был также сделан вклад в экономическую теорию мейнстрима. Он заключался в том, что при расчете темпов роста подчеркивалась возможность различий между индексом Паше и индексом Ласпейрза¹¹. Такое мнение было выдвинуто в классической статье Гершенкрона (Gershenkron, 1947), повторено в его следующей работе (Gershenkron, 1951), стало известно как «эффект Гершенкрона» и закрепилось в общей литературе по статистике темпов роста¹². Поэтому на веб-сайте ОЭСР Директорат по статистике представил список часто задаваемых вопросов о паритетах покупательной способности, где вопрос № 19 звучит так: «Что такое «эффект Гершенкрона»?» На «эффект Гершенкрона» также постоянно ссылаются авторы специальных работ по международным сопоставлениям, например ван Арк и Тиммер (van Ark, Timmer, 2001, p. 21). Таковым был, вероятно, первый и, бесспорно, долговременный вклад экономической советологии в экономическую теорию мейнстрима.

11. Индекс Паше — индекс выпуска или цен, использующий веса текущего года; Индекс Ласпейрза — индекс, использующий веса базового года. (Прим. перев.)

12. Эффект Гершенкрона — влияние выбора конкретного базового года на индекс промышленного производства. (Прим. перев.)

Майка Элман

Институциональная экономика

Помимо количественной оценки темпов экономического роста в СССР, Бергсон оценивал их с экономической точки зрения (Bergson, 1968, 1978) и в своих работах обращал внимание на роль институтов в их определении. Экономисты мейнстрима давно изучали роль институтов на конкретных рынках (монополия и олигополия), их роль в формировании цен и объема продукции на этих рынках. Однако национальные институты и их воздействие на макроэкономические темпы роста раньше не играли серьезной роли в экономике мейнстрима. Работы Бергсона и других авторов, где подчеркивалась роль национальных институтов в формировании темпов роста, были восприняты мейнстримом (Adkins et al., 2002) и сейчас представляют собой важную его часть. После краха СССР теория переходной экономики, в разработке которой участвуют специалисты по советской экономике, основываясь на опыте «перехода», подчеркивала ключевое значение институтов. Реакция на вызовы, содержащиеся в работах по советской и переходной экономике, со стороны экономической теории мейнстрима состояла в том, чтобы считать институт рыночной экономики как нечто само собой разумеющееся и вернуть, что при устранении деспотичных государств самопроизвольно возникнут здоровые рыночные экономики.

Экономическое администрирование

Инерционный эффект, по-видимому, впервые был сформулирован Берлинером (Berliner, 1957, p. 78): «Некая универсальная практика планирования ... в плановом механизме действует как храповик, так что по достижении нового высокого уровня показателей ... обычно должно быть установлено более высокое новое плановое задание... Инерционный принцип применяется не только в производственных задачах, но и в планировании прибыли и издержек». С тех пор общепризнано, что если контракты формируются в условиях асимметричной информации и асимметричных отношений, более длительных, чем сами контракты, может возни-

коть инерционный эффект. Вывод экономической советологии применительно к системе советского планирования вошел в работы общеэкономического характера (Weitzman, 1980; Freixas et al., 1985; Litwak, 1993). Он присутствует, например, и в работах по динамике стохастических двухпериодных взаимоотношений принципала и агента (Jeitschko et al., 2002).

Экономическая теория прав собственности

Исследование экономик советского типа стало важным источником вдохновения при изучении экономической теории прав собственности. В обзорной статье по этой теме Фуруботн и Пейович (Furubotn, Pejovich, 1972) указывали на четыре сферы ее приложения — современные корпорации, регулируемые компании, некоммерческие фирмы и социалистические предприятия. Применительно к последним в статье содержится анализ как советских предприятий, проведенный известными специалистами по экономике СССР, так и управляемых работниками югославских предприятий. В свою широко известную книгу по теории прав собственности Фуруботн и Пейович (Furubotn and Pejovich, 1974) включили разделы, озаглавленные «Централизованная социалистическая экономика» и «Децентрализованная социалистическая экономика». Первый раздел широко опирался на классические работы по советской экономике Эймса (Ames, 1965), Ноува (Nove, 1958, 1961), Залески (Zaleski, 1967), Спалбера (Spulber, 1962) и др., во втором давались ссылки на классические работы Уорда (Ward, 1957, 1958), Домара (Domar, 1966) и Ванека (Vanek, 1969, 1970). Последующая международная волна приватизаций подтвердила практическую значимость экономики прав собственности.

Экономика неформального сектора

Аналитические советологические работы, рассматривавшие объем и значение неформального сектора в экономике СССР

(Grossman, 1977; Trembl, Alexeev, 1994), сделали важный вклад в экономическую теорию неформального сектора. В них показано, что этот сектор не ограничивался слаборазвитыми странами или развитыми рыночными экономиками, а был присущ и командно-административной экономике, в чем состояло еще одно несоответствие между восприятием социалистического планирования как рациональной экономической системы и практикой «реального социализма». Более того, неформальный сектор (или вторичная экономика) был существенным по объему и влиял на динамику развития системы. На советологическую литературу даются ссылки, она обсуждается в современных обзорах литературы по неформальному сектору в разных странах мира (Gerxhani, 2004).

Экономическая теория голода

Сен (Sen, 1981) стал основным автором, который внес свой вклад в изучение экономической теории голода. Его работа, изначально основанная на исследовании голода 1945 года в Бенгале, ценна для анализа состава жертв голода и как утверждение того, что сокращение объема имеющегося продовольствия зачастую не является причиной голода. Хотя работа Сена по экономической теории голода упоминалась Шведской академией наук при вручении ему Нобелевской премии, тщательное изучение случаев голода в СССР показало, что их причины не вполне вписываются в общую аргументацию Сена¹³. Во-первых, голод в СССР обычно был связан с резким сокращением производства продовольствия. Во-вторых, удобно подразделять примеры голода на две группы в связи с сокращением имеющегося объема продовольствия. Это те случаи, когда такое сокращение неизбежно приводило к голоду (как это было в Ленинграде в 1941—1942 годах), и случаи, когда сокращение запасов продовольствия провоцирует голод, если сочетается с определенной государственной политикой (как это было в 1947 году). В-третьих, в советских условиях политика формирования государственных запасов зерна, которую отстаивает Сен, — несовершенный метод борьбы с

13. О голоде 1947 года в СССР см. работу Элмана (Ellman, 2000).

голодом¹⁴. Эти обстоятельства в настоящее время воспринимаются в литературе как общепризнанные (Gregory, Harrison, 2005; O'Grada, 2007).

Дискуссия о социализме и австрийская критика теории общего равновесия

Хотя широкомасштабное, хорошо финансируемое и подробное изучение советской экономики началось в США и в других странах лишь после Второй мировой войны, появившиеся ранее работы по планированию в СССР оказали значительное влияние на экономическую теорию мейнстрима, даже несмотря на то что их авторы были не слишком хорошо информированы о состоянии советской экономики. В 1920 году фон Мизес опубликовал работу, ставшую примером широко известной критики возможности рационального экономического расчета при социализме. Фон Мизес цитировал Маркса и Ленина, но реальную практику советской экономики того времени он расценивал как «сплошное разрушение и уничтожение» (Von Mises, 1972, p. 86—87; 1920). Позднее, перед Второй мировой войной появились некоторые работы, где советский опыт рассматривался более пристально (Dobb, 1928; Reddaway, 1935). Помимо этих эмпирических работ, развернулась теоретическая дискуссия о рациональности советской системы. Основные ее участники (Хайек и Ланге) не были специалистами по проблеме и даже не были хорошо осведомлены о функционировании советской экономики (хотя польский социалист Ланге все же обладал некоторыми знаниями в этой области). Центральное место в дискуссии было отведено советскому опыту и урокам, которые сле-

14. Тому были две причины. Во-первых, запасы не обязательно использовались для смягчения голода. Вместо этого они, вероятно, могли использоваться в качестве резерва на случай вероятного военного конфликта или же часть этих запасов могла пойти на экспорт. Позиция Сена в отношении создания крупных государственных запасов зерна предполагает, что при наступлении голода основная цель государственной политики - борьба с голодом, однако в СССР в сталинский период дело обстояло не так. Во-вторых, указанная позиция Сена подразумевает, что созданные крупные государственные запасы зерна — результат коммерческих закупок. Между тем советские запасы зерна в сталинский период формировались путем насильственного изъятия у крестьян.

дует из него извлечь; эта дискуссия оказала существенное воздействие на экономическую теорию мейнстрима.

Она представила изучение социализма как важный вклад в теорию мейнстрима, что стало стимулом для развертывания австрийской критики теории общего равновесия. В ходе десятилетий после Второй мировой войны в рамках экономической мысли вместо представлений Шумпетера о капиталистическом экономическом развитии широкое распространение получила теория общего равновесия с заданной технологией, населением и предпочтениями, максимизирующим поведением, а также совершенной конкуренцией, полноценной и совершенной информацией и отсутствием неопределенности. Одновременно теоретические размышления в связи с дискуссией Хайека—Ланге подорвали значение теории общего равновесия и извлекаемых из нее уроков для экономической политики.

Произошло это следующим образом. В течение длительного времени считалось общепринятым, что Ланге «победил» в дискуссии с фон Мизесом и Хайеком. Например, согласно Доббу (Dobb, 1969, Chapter 9), критика Ланге свелась к утверждению, что рациональный экономический расчет при социализме был теоретически возможен, а на практике не осуществим. Однако к концу XX века стало широко распространяться суждение (см., например, Lavoie, 1985), что ответ Ланге фон Мизесу продемонстрировал не эффективность и желательность рыночного социализма, не чисто практические проблемы его осуществления, а несостоятельность теоретических рамок, использованных Ланге в его ответе. Лавой (Lavoie, 1985, p.20) признал, что элементы его интерпретации можно обнаружить в работах советологов, например, Наттера (Nutter, 1974)¹⁵.

В большой мере в связи с критикой социализма Хайек «отказался от идей «заданных» данных и совершенной конкуренции и заменил их понятием динамичного рыночного процесса, при котором соперничество участников способствует тому, что знание постоянно генерируется и раскрывается» (Caldwell, 1997,

15. Наттер был также автором советологической монографии (Nutter, 1962).

р.1883). Подобное развитие идей австрийской школы важно и теоретически, и эмпирически. В теоретическом отношении оно привело к осознанию того, что теория общего равновесия может оказаться заблуждением, если воспринимается как описательная теория реально существующих капиталистических экономик, и вредной, если из нее извлекают выводы в отношении экономической политики, не учитывающие жесткие условия, при которых они действуют в рамках модели. В эмпирическом плане при объяснении экономического роста развитие идей австрийской школы вызвало интерес к другим факторам, помимо конкуренции и ценового механизма (таким как зависимость от траектории развития, технический прогресс, политическая система, география и демография).

Стимулы

Еще до этапа серьезного изучения советской экономики акторы в некоторых моделях автоматически принимали оптимальные решения даже в отсутствие частной собственности. Например, в известной модели социализма Ланге (Lange, Taylor, 1938, p.75) «некоторые правила навязываются им [т.е. управленцам] Центральным плановым органом, цель которого состоит в наилучшем по возможности удовлетворении потребительских предпочтений. Эти правила предопределяют сочетание факторов производства и объема выпускаемой продукции». Идеи принуждения управленцев следовать правилам или формулировать правила, которые были бы пригодны для всех ситуаций, были проблематичны в прошлом и вполне очевидно отсутствуют в настоящее время. Экономическая советология продемонстрировала, что картина, нарисованная Ланге, была грубым извращением реальности. В СССР невозможно было сформулировать правила (или инструкции) на все возможные случаи, и управленцы в действительности располагали значительными возможностями для маневра. Более того, управленцы зачастую не были озабочены выполнением правил, которые «спускал» Центральный плановый орган. На самом деле основной характеристикой советской реальности было оппортунистическое поведение на всех уровнях — от руководителей предприятий до министров.

Реалиям управленческого поведения при социализме было дано объяснение в ряде классических работ по экономической советологии. Такова работа Берлинера (Berliner, 1957), в основу которой положен Гарвардский проект по интервьюированию, работа Ноува (Nove, 1958), основанная на советских публикациях хрущевского периода, и работа Корнаи (Kornai, 1959), базирующаяся на венгерском опыте применения планирования советского типа.

Последняя работа, посвященная советскому планированию (и планированию советского типа), а также продемонстрированная в ней необходимость выработки центральными органами процедур для обеспечения того, чтобы их подчиненные выполняли инструкции, обусловили, среди прочего, появление многочисленных современных работ по экономической теории иерархий, отношениям между принципалом и агентом и теории стимулов. Например, приняв за исходную точку инерционный эффект, как он рассматривался в советологической литературе, Вейцман (Weitzman, 1980) разработал модель для анализа проблемы динамичных стимулов, которая возникает в связи с использованием инерционного принципа, и охарактеризовал оптимальную политику предприятия, следующего этой модели. Аналогичным образом Нири (Nery, 2001) в своем анализе совместимого по стимулам оптимального планирования производства цитирует классическую советологическую работу Хантера о роли жесткого плана в стимулировании работы управленцев (Hunter, 1961).

Методология

Экономическая советология явилась применением проблемно-локализованного подхода к экономическому анализу нерыночной экономики в мире за пределами Запада. Как таковая, она была неким типом экономической антропологии. Она высоко ценила знания в области культуры, истории и языка конкретного региона, равно как наблюдения, высказываемые его реальными представителями. Абрам Бергсон, американский отец-основатель экономической советологии, до Второй мировой войны проводил исследования в Москве. Многие экономические советологи либо родились в Рос-

сии/СССР или Восточной Европе, либо провели там какое-то время, например, в качестве студентов, стажировавшихся по программе обмена. Миллар (Millar, 1995, p.242) писал, что «если исследования конкретных регионов основаны на антропологии, привязаны к культуре и опираются на целостный метод, то экономическая наука, напротив, тяготеет к целостной теории, универсальна в своем применении и с точки зрения своей значимости имеет вневременной характер. Это означает, что экономическая наука смоделировала свои научные запросы по примеру физики, а ее практические пользователи проявляют естественное беспокойство из-за того, что понятия культуры или холизма должны восприниматься как потенциальные ограничения анализа». Если экономическая теория мейнстрима имеет вневременной характер (Hodges, 2001), то советология анализировала ход развития и изменения во времени. Из-за своего методологически чуждого свойства советология традиционно занимала низкую ступеньку во внутренней иерархии разделов экономической науки, или, используя терминологию Лейонхуфвуда (Leijonhufvud, 1973, p. 329), представляла собой деятельность низшей касты.

Из изложенных рассуждений о вкладе советологии в экономическую теорию мейнстрима вытекает, что антропологический подход может стать значимым вкладом в теорию мейнстрима (Hill, 1986), а также следует, что кастовость при классификации разделов экономической науки — несовершенный способ оценки научного вклада, в то время как методологический плюрализм призван играть полезную роль в экономической теории.

Заключение

Экономическая советология была не просто антропологическим исследованием провальной, в конечном итоге, экономической системы, практиковавшейся в некоем удаленном месте, она действительно внесла существенный вклад в экономическую теорию мейнстрима. Благодаря изучению советской экономики и опыта переходной экономики был сделан вклад в длительную дискуссию об универсальной применимости экономических законов. Было показано, что в некоторых случаях (например, в правиле обратной эла-

стичности при косвенном налогообложении) существуют общеприемлемые, экономически рациональные виды политики; в других случаях виды экономически рациональной политики могут — в зависимости от институциональной среды — резко различаться по странам и во времени. В некоторых случаях приложение идей экономической теории мейнстрима к экономической политике СССР оборачивалось пагубными предложениями по части экономической политики. В других случаях экономическая политика в СССР, абсолютно чуждая экономической теории мейнстрима, давала положительный эффект. В целом изучение советской экономики и опыта переходной экономики продемонстрировало, что следует проявлять большую осторожность при формулировании выводов в отношении экономической политики, исходя из весьма упрощенных вариантов экономической теории мейнстрима, потому что при этом игнорируются условия, при которых соответствующие утверждения имеют силу, равно как конкретная ситуация в конкретной стране. В области статистики роста теории мейнстрима воспринят «эффект Гершенкрона». То же самое распространяется на инерционный эффект в области экономического администрирования. Институциональная экономика испытывает на себе влияние классических советологических исследований по относительной эффективности советской системы. Работы, посвященные рассмотрению предприятий советского и югославского типа, составили одно из направлений, которое внесло вклад в экономическую теорию прав собственности. Исследования неформального сектора советской экономики значимы для теории неформального сектора, изучение проблемы голода в советское время — для экономической теории голода. Конечным итогом дискуссии 1930-х годов об экономической теории социализма стал следующий вывод: теория общего равновесия может вводить в заблуждение, если трактуется как описательная теория реально существующих капиталистических экономик, и быть пагубной, если на ее основе в отношении экономической политики делаются выводы, не учитывающие жесткие условия модели, при которых эти выводы имеют значения. Работы по советской экономике содействовали становлению экономической теории стимулов. Все сказанное свидетельствует о том, что методологический плюрализм может стать полезным вкладом в экономическую теорию мейнстрима.

Литература

- Adkins, LC, Moomaw, RL and Sawides, A. 2002: Institutions, freedom and technical efficiency. *Southern Economic Journal* 69(1): 92-108.
- Ames, E. 1965: *Soviet economic processes*. Richard D. Irwin: Homevood, Ill.
- van Ark, B and Timmer, M. 2001: *PPPs and international productivity comparisons: Bottlenecks and new directions, paper for World Bank-OECD seminar*, Washington DC, 30 January-2 February, www.oecd.org/dataoecd/24/0/2424747.pdf accessed 20 December 2007.
- Bardhan, P. 1993: Economics of development and the development of economics. *Journal of Economic Perspectives* 7(2): 129-142.
- Bell, J and Rostowski, J. 1995: A note on the confirmation of Podkaminer's hypothesis in post-liberalization Poland. *Europe-Asia Studies* 47(3): 527-530.
- Bergson, A. 1953: Reliability and usability of Soviet statistics: A summary appraisal. *American Statistician* 7(5): 13-16.
- Bergson, A. 1954: (With Heymann Jr, H): *Soviet national income and product 1940-48*. Columbia University Press: New York.
- Bergson, A. 1961: *The real national income of Soviet Russia since 1928*. Harvard University Press: Cambridge, MA.
- Bergson, A. 1968: *Planning and productivity under Soviet socialism*. Columbia University Press: New York.
- Bergson, A. 1978: *Productivity and the social system - The USSR and the West*. Harvard University Press: Cambridge, MA.
- Bergson, A et al 1964: Foreword. In: Schultz, TW (ed). *Transforming Traditional Agriculture*. Yale University Press: New Haven, CT.
- Berliner, J. 1957: *Factory and manager in the USSR*. Harvard University Press: Cambridge, MA.

- Birman, I. 1983: *Ekonomika nedostach*. Chalidze Publications: New York.
- Caldwell, B. 1997: Hayek and socialism. *Journal of Economic Literature* XXXV(4): 1856-1890.
- Campbell, R. 1968: *The economics of Soviet oil and gas*. John Hopkins Press: Baltimore.
- Chang, H-J. 2002: *Kicking away the ladder*. Anthem: London.
- Clark, C. 1939: *A critique of Russian statistics*. Macmillan: London.
- Clark, M. 1956: *The economics of Soviet steel*. Harvard University Press: Cambridge, MA.
- Collier, IL. 1985: *Connections, effective purchasing power and real product in the German Democratic Republic*. Ost-Europa Institute, Free University of Berlin.
- Collier, IL. 1986: Effective purchasing power in a quantity constrained economy. *Review of Economics and Statistics* LXVI-II(1): 24-32.
- Davies, RW. 1993: Soviet military expenditures and the armaments industry, 1929-33: A reexamination. *Europe-Asia Studies* 45(4): 577-608.
- Davis, C and Charemza, W (eds) 1988: *Modelling of disequilibrium and shortage in centrally planned economies*. Chapman and Hall: London.
- Dobb, M. 1928: *Russian economic development since the revolution*. Routledge: London.
- Dobb, M. 1969: *Welfare economics and the economics of socialism*. Cambridge University Press: Cambridge, UK.
- Domar, E. 1966: The Soviet collective farm as a producer cooperative. *American Economic Review* 56(4, Part 1): 734-757.
- Ellman, M. 1989: Will reform improve or worsen the economic situation in the USSR in the short run?. In: Shtromas, A and Kaplan, M (eds). *The Soviet Union and the Challenge of the Future*, Vol. 2 Paragon: New York.
- Ellman, M. 2000: The 1947 Soviet famine and the entitlement approach to famines. *Cambridge Journal of Economics* 24(5): 603-630.
- Ellman, M. 2008: The political economy of Stalinism in the light of the archival revolution. *Journal of Institutional Economics* 4(1): 99-125.

- Freixas, X, Guesnerie, R and Tirole, J. 1985: Planning under incomplete information and the ratchet effect. *Review of Economic Studies* 52(2): 173-191.
- Furubotn, EG and Pejovich, S. 1972: Property rights and economic theory: A survey of recent literature. *Journal of Economic Literature* 10(4): 1137-1162.
- Furubotn, EG and Pejovich, S. 1974: *The economics of property rights*. Ballinger: Cambridge, MA.
- Gerschenkron, A. 1947: The Soviet indices of industrial production. *Review of Economic Statistics* 29(4): 217-226.
- Gerschenkron, A. 1951: *A dollar index of Soviet machinery output*. Rand: Santa Monica.
- Gerxhani, K. 2004: The informal sector in developed and less developed countries: A literature survey. *Public Choice* 120: 267-300.
- Green, D and Higgins, C 1977: SOVMOD I: A macroeconomic model of the Soviet Union. Academic Press: New York.
- Gregory, P and Harrison, M. 2005: Allocation under dictatorship: Research in Stalin's archives. *Journal of Economic Literature* 43(3): 721-761.
- Gregory, P and Stuart, R. 1990: *Soviet economic structure and performance*, 4th Edition. Harper & Row: New York.
- Grossman, G. 1963: Notes for a theory of the Command Economy. *Soviet Studies* XV(2): 101-123.
- Grossman, G. 1977: The second economy of the USSR. *Problems of Communism* September-October, reprinted. In: Tanzi, V (ed). *The Underground Economy in the United States and Abroad*. Lexington: Lexington, MA.
- Grossman, G and Trembl, V (eds) 1985-93: *Berkeley-Duke occasional papers on the second economy in the USSR*, 1-38. Nos. 15-38. WEF Group: Bala-Cynwyd, PA.
- Hardt, J., Hoffenberg, M, Kaplan, N and Levine, H. 1967: *Mathematics and computers in Soviet economic planning*. Yale University Press: New Haven.
- Harrison, M (ed) 2008: *Guns and rubles: The defence industry in the Stalinist state*. Yale University Press: New Haven, CT.

- Hedlund, S. 1999: *Russia's «market» economy: A bad case of predatory capitalism*. UCL Press: London.
- Hill, P. 1986: *Development economics on trial. The anthropological case for a prosecution*. Cambridge University Press: Cambridge, UK.
- Hodgson, G. 2001: *How economics forgot history*. Routledge: London.
- Hunter, H. 1957: *Soviet transportation policy*. Harvard University Press: Cambridge, MA.
- Hunter, H. 1961: Optimal tautness in development planning. *Economic Development and Cultural Change* 9(4, Part 1): 561-572.
- Hurwicz, L. 1979: Socialism and incentives: Developing a framework. *Journal of Comparative Economics* 3(3): 207-216.
- Jasny, N. 1949: *The socialized agriculture of the USSR*. Stanford University Press: Stanford, CA.
- Jasny, N. 1957: *The Soviet 1956 statistical handbook: A commentary*. Michigan State University Press: East Lansing.
- Jeitschko, T, Mirman, L and Salgueiro, E. 2002: The simple analytics of information and experimentation in dynamic agency. *Economic Theory* 19(3): 549-570.
- Khanin, G.I. 1993: *Sovetskii ekonomicheskii rost: analiz zapadnykh otsenok*. EKOR: Novosibirsk.
- Khanin, G.I. 2003: *Ekonomicheskaiia istoriia Rossii v noveishee vremia*, Vol. 1. Novosibirsk State [Technical University: Novosibirsk.
- Kontorovich, V. 1985: Discipline and growth in the Soviet economy. *Problems of Communism* 34(6): 18-31.
- Kontorovich, V. 1988: Lessons of the 1965 economic reform. *Soviet Studies* 40(2): 308-316.
- Kontorovich, V. 2007: Where did the Sputnik come from paper presented at the AAASS Annual Convention, New Orleans.
- Kornai, J. 1959: *Overcentralization in economic administration*. Oxford University Press: Oxford.
- Kornai, J. 1980: *Economics of shortage*. North-Holland: Amsterdam.
- Kornai, J. 1985: Gomulka on the soft budget constraint: a reply. *Economics of Planning* 19(2): 9-55.

- Kornai, J. 1990: *The road to a free economy*. W.W.Norton & Co: New York.
- Kornai, J. 1992: *The socialist system*. Clarendon Press: Oxford.
- Kornai, J. 2006: *By force of thought*. MIT Press: Cambridge, MA.
- Kozlov, V. 2002: *Mass uprisings in the USSR*. M.E.Sharpe: Armonk, NY.
- Kurierov, V. 1998: Foreign trade liberalization. In: Ellman, M and Kontorovich, V (eds). *The Destruction of the Soviet Economic System*. M.E.Sharpe: Armonk, NY pp. 272-284.
- Laird, R. (ed) 1965: *Soviet agriculture: The permanent crisis*. Praeger: New York.
- Lange, O and Taylor, F. 1938: *On the economic theory of socialism*. University of Minnesota Press: Minneapolis (reprinted 1948).
- Lavoie, D. 1985: *Rivalry and central planning*. Cambridge University Press: Cambridge, UK.
- Leijonhufvud, A. 1973: Life among the Econ. *Western Economic Journal* 11(3): 327-337.
- Levine, HS. 1959: *The centralized planning of supply in Soviet industry, Comparisons of the United States and Soviet economies*. JEC US Congress: Washington DC.
- Litwack, JM. 1993: Coordination, incentives and the ratchet effect. *Rand Journal of Economics* 24(2): 271-285.
- Millar, J (ed) 1971: *The Soviet rural community*. University of Illinois Press: Urbana: IL.
- Millar, JR. 1995: Rethiriking Soviet economic studies. In: Orlovsky, D (ed). *Beyond Soviet Studies*. Woodrow Wilson Center: Washington DC, pp. 225-251.
- Montias, JM. 1976: *The structure of economic systems*. Yale University Press: New Haven.
- Neary, HM. 2001: Dynamic consistency in incentive planning with a material input. *Journal of Economic Behavior & Organization* 44(3): 315-332.
- Nove, A. 1958: The problem of success indicators in Soviet industry. *Economica* 25(97): 1-13.
- Nove, A. 1961: *The Soviet economy*. Allen & Unwin: London.
- Nutter, G. 1962: *Growth of industrial production in the Soviet Union*. Princeton University Press: Princeton.

- Nutter, G. 1974: Markets without property: A grand illusion. In: Furubotn, E and Pejovich, S (eds). *The Economics of Property Rights*. Ballinger: Cambridge.
- O Grada, C. 2007: Making Famine History. *Journal of Economic Literature* 45(1): 5-38.
- Pavlov, V. 1995: *Upushchen ii shans?* Terra: Moscow.
- Podkaminer, L. 1982: Estimates of the disequilibria in Poland's consumer markets, 1965-1978. *The Review of Economics and Statistics* 64(3): 423-431.
- Podkaminer, L. 1986: Persistent disequilibrium in Poland's consumer markets: some hypothetical explanations. *Comparative Economic Studies* 28(3): 1-16.
- Podkaminer, L. 1987: On Polish disequilibrium once again. *Soviet Studies* 34(3): 509-512.
- Podkaminer, L. 1988: Disequilibrium on Poland's consumer markets. *Journal of Comparative Economics* 12(1): 43-60.
- Portes, R. 1979: Internal and external balance in a centrally planned economy. *Journal of Comparative Economics* 3(4): 325-345.
- Pones, R and Winter, D. 1977: The supply of consumption goods in centrally planned economies. *Journal of Comparative Economics* 1(4): 351-365.
- Portes, R and Winter, D. 1978: The demand for money and for consumption goods in centrally planned economies. *Review of Economics and Statistics* 59(4): 8-18.
- Portes, R. and Winter, D. 1980: Disequilibrium estimates for consumption goods markets in centrally planned economies. *Review of Economic Studies* 47(1): 137-159.
- Ramsey, R 1927: A contribution to the theory of taxation. *Economic Journal* 37(145): 47-61.
- Reddaway, B. 1935: *The Russian financial system*. Macmillan: London.
- Rodrik, D. 2005: Growth strategies. In: Aghion, P and Durlauf, S (eds). *Handbook of Economic Growth*, Chapter 14, Vol. 1A. Elsevier: Amsterdam.
- Roland, G. 2008: A review of Janos Kornai's *By Force of Thought: Irregular Memoirs of an Intellectual Journey*. *Journal of Economic Literature* 46(1): 145-150.

- Samuelson, L. 2000: *Plans for Stalin's war machine: Tukhachevsky and military-economic planning, 1925-1941*. Macmillan: Basingstoke, UK.
- Schroeder, G. 1979: The Soviet economy on a treadmill of 'reforms'. In: *Soviet Economy in a Time of Change*. JEC US Congress: Washington DC.
- Schumpeter, J. 1954, 1986: *History of economic analysis*, 1st Edition. Oxford University Press: Oxford; paperback Allen and Unwin: London.
- Sen, A. 1981: *Poverty and famines*. Clarendon Press: Oxford.
- Shlykov, V. 1997: *The crisis in the Russian economy*. Strategic Studies Institute: US Army War College, Pennsylvania.
- Shlykov, V. 1998: The assessment of enemy capabilities. In: Ellman, M and Kontorovich, V (eds). *The Destruction of the Soviet Economic System*. M.E.Sharpe: Armonk, NY.
- Shlykov, V. 2004: The economics of defence in Russia and the legacy of structural militarization. In: Miller, SE and Trenin, D (eds). *The Russian Military*. MIT Press: Cambridge, MA pp. 157-182.
- Spulber, N. 1962: *The Soviet economy*. Norton: New York. Stuart, R. 1972: *The collective farm in Soviet agriculture*. Heath: Lexington, MA.
- Trembl, V. 1982: *Alcohol in the USSR: A statistical study*. Duke University Press: Durham, NC
- Trembl, V and Alexeev, M. 1994: The growth of the second economy in the Soviet Union and its impact on the system. In: Campbell, RW (ed). *Postcommunist Economic Transformation : Essays in Honour of Gregory Grossman*. Westview: Boulder, CO.
- Trembl, V and Hardt, J (eds) 1972: *Soviet economic statistics*. Duke University Press: Durham, NC
- Vanek, J. 1969: Decentralization under workers' management: A theoretical appraisal. *American Economic Review* 59(5): 1006-1014.
- Vanek, J. 1970: *The general theory of labor-managed market economies*. Cornell University Press: Ithaca.

- Von Mises, L. 1972, 1920: Economic calculation in the Socialist Commonwealth. In: Nove, A and Nuti, M (eds). *Socialist Economics*. Penguin: Harmondsworth, UK (Originally published in German in 1920).
- Ward, B. 1957: Workers' management in Yugoslavia. *Journal of Political Economy* 65(5): 373-386.
- Ward, B. 1958: The firm in Illyria: Market syndicalism. *American Economic Review* 48(4): 566-589.
- Weitzman, M. 1980: The «ratchet principle» and performance incentives. *The Bell Journal of Economics* 11(1): 302-308.
- Williamson, O. 1975: *Markets and hierarchies*. Free Press: New York.
- Zaleski, E. 1967: *Planning reforms in the Soviet Union, 1962-1966*. University of North Carolina Press: Chapel Hill.

* * *

Приношу благодарность Марселю Боумансу, Джозефу Браде, Ричарду Эриксону, Джеоффу Ходжсону, Марку Харрисону, Рууду Кнааку, Владимиру Конторовичу и Харро Маасу за полезные замечания и предложения. За выбор рассматриваемых проблем, их интерпретацию, а также любые допущенные ошибки несет ответственность автор статьи.